

ОПЕРАЦИЯ «ШАХЕД»

Михаил ВОСТРИКОВ
г. Санкт-Петербург

ДИРЕКТИВА СТАВКИ

31 мая 1944 года, среда. Москва. Большой зал совещаний штаба Военно-Воздушных Сил (ВВС) Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

В зал вошёл заместитель командующего ВВС РККА генерал-полковник авиации Федор Яковлевич Фалалеев, впоследствии маршал авиации, крупный представительный мужчина, выходец из вятской многодетной крестьянской семьи. Раздался упреждающий возглас дежурного:

— Товарищи офицеры!

— Здравствуйте, товарищи! — приветствовал собравшихся Фалалеев.

— Здражлатащграл!

Замкомандующего ВВС обвёл глазами находившихся в зале. Блестящие русские офицеры — генералы и полковники. Взращённая в боях командная элита советской военной авиации, сталинские соколы!

Всех он знал лично. Кого-то с курсантов Первой военной школы лётчиков имени Мясникова, кого-то по Польскому походу 1939-го, по Дальнему Востоку, по Академии Жуковского, по Юго-Западному фронту и множеству сражений этой войны.

За плечами у сорокапятилетнего Фёдора Яковлевича уже два инфаркта, но до третьего, после

которого он уже так и не смог полностью восстановиться, было ещё целых пять лет.

Сегодня генерал Фалалеев проводил секретное совещание с руководителями оперативных групп — командующими воздушными армиями, их заместителями и командирами авиационных корпусов, посвящённое мерам безусловного выполнения положений частной директивы Ставки Верховного Главнокомандования советской авиации в грядущей Белорусской наступательной операции с шифром «Багратион».

Задачи Ставки поражали невероятной масштабностью и размахом, однако были вполне выполнимы. Силами аж пяти воздушных армий советской авиации следовало:

— создать и удерживать господство в воздухе на направлениях двух главных ударов под Бобруйском, один — от Рогачёва на Осиповичи, другой — от Озаричей на Слуцк;

— организовать связь и снабжение всем необходимым партизанских соединений, помощь которых при наступлении была нужна Красной армии как воздух;

— освещать маршруты ночного движения танковых соединений и многое другое.

«Н-да, не 1941 год, когда мы бились с фрицем на «ишачках». Никогда ещё Красная армия не име-

ла такого количества новейших боевых самолетов и, соответственно, такого превосходства в воздухе, факт» — удовлетворённо подумал он.

Всё было предельно ясно и не являлось неразрешимой проблемой, а было тяжёлой боевой работой, которую советской авиации предстояло спланировать и выполнить в предписанные директивой сроки.

ПОРУЧЕНИЕ ВЕРХОВНОГО

Однако вчера вместе с директивой Ставки по «Багратиону» Фалалееву передали и небольшой записку от руки с поручением от самого Сталина:

«Совершенно секретно. Фалалееву Ф. Я. Предлагаю рассмотреть с коллегами и по возможности реализовать боевое применение изобретения ленинградского учёного Воробьёва. Как выйдет, доложить. И. Сталин».

— Где он, Воробьёв? — спросил генерал у адъютанта в конце совещания. — Заодно и науку вместе послушаем.

— В коридоре сидит, тащграл, ждёт вызова, с ним два офицера НКВД, — чётко доложил адъютант-порученец и протянул генералу лист бумаги с короткой справкой:

— Та-а-ак! Павел Михайлович Воробьёв, 1898 года рождения, доцент факультета радиосвязи и радиовещания Ленинградского электротехнического института связи (ЛЭИС) имени профессора М. А. Бонч-Бруевича. Учился... Проживал... Семья... Ох-х ё! Временно изъят из мест заключения по личному указанию наркома внутренних дел Л. П. Берия.

Фёдор Яковлевич слегка нахмурился:

— Ну фамилия-то у этого доцента наша, лётная. Ладно, заводи его.

«Тем более, что у него такой ходатай!» — добавил он уже про себя.

Сталина он, как и все тогда, опасался, особенно после того, как в июне 1942 года был снят с должности из-за задержки выполнения постановления Государственного комитета обороны (о демонтаже реактивных снарядов РС-82 с истребителей). После в должности он был восстановлен, но инфаркт заработал.

— Есть заводить науку! — адъютант чётко развернулся на каблуках и вышел в коридор.

Через минуту два молчаливых офицера НКВД

уже внесли в зал два вещмешка, из которых выложили на длинный стол — на вид самую обычную носимую войсковую радиостанцию и небольшой ящик с торчащими из него тягами и проводами.

Высокий, худой, нескладный человек уже стоял возле стены, обшитой деревянными панелями, и обычными канцелярскими кнопками крепил к ним два больших ватманских листа с мнемо- и радиосхемой, с заголовками «Шахед» и «ПВ-1» соответственно.

ВРЕМЕННО ИЗЪЯТЫЙ...

В самом начале войны семьдесят процентов преподавателей ЛЭИС ушли на фронт. Кафедры начали выпускать радиостанции, а к ним радистов-операторов, весьма востребованный тогда продукт.

Зимой 1941–1942 года от лютого голода и дикого холода умерли около пятидесяти преподавателей, и в январе 1942 года ЛЭИС срочно эвакуировали в Кисловодск. Но уже без доцента Воробьёва, который к тому времени содержался во внутренней тюрьме НКВД на Воинова, 25.

Его супруга, Татьяна Воробьёва, преподаватель химии, от полного отчаяния, безнадеги и голода из оставшихся химикатов на кафедре изготовила вполне качественное мыло, за каждый кусок которого на Сенной толкучке ей, о чудо! предложили по два куриных яйца или буханку сырого блокадного хлеба с опилками, на выбор! Она не была преступницей, она просто спасала себя и мужа. Но те люди, кто предложил ей этот ворованный хлеб и впоследствии снабжал нужными ингредиентами для кустарного изготовления мыла — тутовое масло, каустическая сода и др., были самыми настоящими бандитами, и приговор суда всей их банде вместе с Татьяной Воробьёвой был краток — расстрел, а членов семей как пособников и недоносителей — в тюрьму!

В той блокадной тюрьме, при катастрофической смертности, каким-то чудом Воробьёву всё же удалось написать письмо Сталину с описанием его изобретения. И это письмо почему-то пропустили многочисленные цензоры, возможно не поняв содержащихся в нём схем и формул. И каким-то чудесным образом оно не сразу, но всё же дошло до адресата. И вот автор этого письма, который последние несколько месяцев уже работал по данной теме в «туполевской шараге» на московской

улице Радио, переминался с ноги на ногу в зале совещаний штаба ВВС РККА и был готов доклады-вать.

ДРОНЫ

Когда доцент Воробьёв уже открыл рот, чтобы начать доклад, генерал Фалалеев вдруг поднял руку — дал знак, мол, пока помолчи, наука. Он внимательно вглядывался в значки и изображения на ватманах.

И он уже всё понял.

По долгу службы и природной тяге ко всему новому Фёдор Яковлевич был в малейших деталях знаком со всеми проектами боевых беспилотных летательных аппаратов, ещё с 1936 года называемых американцами «дронами». И все эти чрезвычайно дорогие проекты до сих пор с треском проваливались как в СССР, так и за рубежом:

— планёр, который мог нести одну торпеду и наводился по инфракрасному лучу;

— радиоуправляемый бомбардировщик одно-разового использования;

— безэкипажный катер со взрывчаткой, управляемый с самолёта-водителя;

— самолёт, управляемый часовым механизмом, который в заданный момент сбрасывал крылья и падал на вражеские позиции.

Боевая эффективность этой беспилотной одно-разовой техники по факту была крайне низкой. И только знаменитые японские «камикадзе» — пилоты-смертники, с их всего лишь пятнадцатью процентами точных попаданий (остальное — неисправности самолётов, нехватка топлива, блудили в облаках), спасали общую статистику. И правда была в том, что камикадзе оказались самым эффективным оружием, изобретенным японцами против американских надводных кораблей.

Но в СССР камикадзе не готовили, хотя желающие ими стать, без сомнения, нашлись бы. И находились: Николай Гастелло, Иван Иванов и многие другие герои-лётчики, в конкретных боевых ситуациях совершившие самолётные тараны по целям в воздухе и на земле.

ЛАКОМАЯ ЦЕЛЬ

Сейчас же Фёдор Яковлевич ясно видел перед собой простейшую и, соответственно, надёжную схему гарантированного уничтожения штаба фронтовой пехотной дивизии вермахта — самой,

пожалуй, лакомой, но практически неуязвимой, не считая случайностей, цели советской авиации. Неуязвимость объяснялась наличием у немцев развитых средств воздушного обнаружения (радаров) и РЭБ, сверхплотным зенитным огнём, прожекторами и толковой маскировкой. Свои штабы фрицы берегли как зеницу ока.

Именно пехотная дивизия, примерно шестнадцать тысяч человек, была основным тактическим комбинированным армейским соединением вермахта, способным вести самостоятельные боевые действия. Штабы этих дивизий в обороне располагались на расстоянии не более пяти километров от линии фронта и были ответственны за конкретный участок шириной около десяти километров — идеальная ширина участка прорыва танковой армии.

При начале наступательных действий противника все офицеры штаба дивизии, в отличие от гестаповцев, находились в штабе, на своих рабочих местах, а не слонялись по кабакам и борделям в ближайшем городе.

И без своего штаба дисциплинированные немцы оборонялись бы храбро, но бестолково. И можно было лишь мечтать разом уничтожить весь управленческий аппарат армейской дивизии немцев именно на острие прорыва наших войск. Но накрыть такого зверя с воздуха не удавалось никогда, за исключением, повторюсь, случайностей.

ВАТМАН «ШАХЕД»

Итак, по мнемонической схеме на ватмане с надписью «Шахед» генерал Фалалеев ясно видел, как два наших беспилотных биплана У-2 из-за линии фронта по радиомаяку заходили на одну точку — штаб пехотной дивизии вермахта.

Постоянно уменьшающийся равнобедренный треугольник. Две движущиеся точки — самолёты, и одна стационарная — радиомаяк (штаб). Элементарная математическая задача триангуляции, известная в тригонометрии и геодезии с древнейших времён — определение координат точки в пространстве с учетом ее проекций...

... Самолёт со взрывчаткой на борту на предельно малой высоте и с минимально возможной скоростью, невидимый для радаров, буквально, «по головам» летел в направлении маяка, постоянно «общаясь» своим приёмо-передающим вычислителем с другим самолётом. В итоге и определялась вторая координата штаба и оба самолёта одно-

временно прилетали куда надо. Здравствуйте, не ждали? А мы вот припёрлись...

Вся операция, начиная с одновременного взлёта самолётов, шла не более пяти минут. И при таких небольших расстояниях и скоростях да можно было наплевать на всё — на искажение сигналов, на время работы батарей радиомаяка, на вес топлива, на наличие у немцев пеленгаторов. На всё, кроме технической надёжности элементов схемы! Хоп, и мы уже в домике, прилетели, возвращаться не будем. Лишь бы радиомаяк стоял там, где надо, то есть где-то рядом со штабом по ходу полета самолётов!

Генерала аж пробило в пот от простоты и гениальности идеи...

Практически одновременно засадить, даже и не очень точно, по штабу немецкой дивизии двумя тысячекилограммовыми планируемыми бомбами означало полный и окончательный «песец» штабу, но эту задачу — бомбометание с ювелирной точностью крупной авиабомбой, пока не смог решить ни один из советских бомбардировщиков. И даже не с ювелирной.

Ещё в 1941 году Сталин приказал знаменитому советскому лётчику Владимиру Коккинаки организовать бомбёжку Берлина уже имевшимися на вооружении бомбами ФАБ-1000 с дальних бомбардировщиков ДБ-3. Один, кое-как оторвавшись от полосы, упал за границей аэродрома. Бомба не взорвалась, и экипаж уцелел, но самолет сгорел. Другой при взлёте постигла катастрофа, экипаж погиб, и от применения крупных авиабомб при налетах на Берлин пришлось отказаться. Так всю войну и кошмарили столицу Германии ФАБ-250 и ФАБ-100, что сам Сталин считал недостаточным для нужного психологического воздействия на население. Но уж как получилось...

НЕБЕСНЫЙ ТИХОХОД

Да, для выполнения этой задачи нужен был именно У-2 (с 1944 года По-2), «работяга-кукурузник», «небесный тихоход» — надёжный, дешёвый, одномоторный, низколетящий, тихоходный, практически бесшумный и невидимый для немецких радаров фанерный самолётик, в избытке имевшийся в любой авиационной части в качестве лёгкого ночного бомбардировщика, учебного и самолёта связи. И тем не менее полезная нагрузка его отдельных модификаций, включающая вес

двух пилотов, при минимуме необходимого топлива достигала тысячи килограммов.

Генерал знал, что поднять такой самолётик в воздух без пилота было проще простого, это не посадка с её неизбежными сложностями, которая в схеме вообще не предусматривалась, как и возвращение самолета на базу. Сделать это можно было несколькими способами — коротко разбежавшись на любой ровной поверхности, даже зимой на лыжах; с использованием ракетного ускорителя с направляющих консолей гвардейского миномёта БМ-13 «Катюша»; или попросту сбросить У-2 со «спины» бомбардировщика.

А вывести и удержать этот самолет на заранее заданном курсе при минимальной высоте и скорости полёта запросто могла примитивная система автоматического управления закрылками и «газом».

БАТМАН «ПВ-1»

«А вот и схема такой системы с вычислителем! — сообразил Фалалеев, глядя на второй ватманский лист с заголовком ПВ-1. — Ага, маяком здесь служит носимая войсковая радиостанция, включённая на единственный режим передачи «пик-пик-пик...» с максимально возможной мощностью».

«А вот и она сама, система!» — уважительно взглянул он на ящик с проводами и тягами.

— ПВ — это сокращённо Павел Воробьёв? — спросил генерал у топтавшегося у доски доцента.

— Нет, это «Палка-Верёвка», просто так совпало.

— А-ха-ха! — грохнули офицеры.

Так, «Палкой-Верёвкой» в авиации и не только действительно называли простые и надёжные технические решения.

— А «Шахед»? Это что-то на арабском?

— Да, на персидском, «Последний свидетель». Ну не «Геранью» же это всё было называть, — пошутил вдогонку Воробьёв.

— И где же ты, профессор, был со своим изобретением, когда мы прошлой зимой ленинградскую блокаду прорывали?! — вытирая выступившую от смеха слезу белоснежным платочком, спросил Фёдор Яковлевич.

— Доцент, — поправил его Воробьёв и покосился на офицеров НКВД. — Я доцент.

— Да... доцент, — правильно понял его Фалале-

ев и обратился к своим офицерам: — Ну что, товарищи, есть ещё вопросы к докладчику?

— Надо пробовать! — раздалось из зала. — Посмотрим, как выйдет. Хуже не будет, а в случае успеха немало солдатских жизней спасём! Прорывы — дело затратное.

— Тогда вот что! — начал командовать генерал-полковник. — Почти три недели до «Багратиона» у нас есть. Подберите немецкую дивизию на фронте с разведанными координатами штаба, но пока подальше от направлений главных прорывов, не будем их светить противнику. Свяжитесь с партизанами, надо же как-то этот радиомаяк к штабу подтащить и включить вовремя. Так, наука?!

— Так! — подтвердил Воробьёв. — Но радиомаяк сам включится по заранее выставленному таймеру.

— Хм-м, верно! И эту нашу маленькую операцию мы назовём «Шахед», хотя «Палка-Верёвка» тоже было бы хорошо, — слегка улыбнулся генерал и обратился уже к офицерам НКВД. — Воробьёва я у вас, товарищи, на время всей операции «Багратион» забираю под свою ответственность, где расписаться?

— Саша! — это уже адъютанту. — Пристегни науку к моему водителю, пусть поставит его на довольствие, койку в казарме при штабе ВВС, баню, то-сё, и Михалычу-повару передай, чтобы он ему порцию побольше метал, скажи, я попросил.

— Есть науке порцию побольше! — щёлкнул каблуками порученец.

— Всё, товарищи, если вопросов больше нет, по коням!

ПАРТИЗАНЫ

Гомельщина. Лес. Расположение партизанского отряда «За Советскую Белоруссию!». Командирский блиндаж. Ночь.

— Вот, таварышамандзир, лётчики вам передали, сакрэтно! — протянул командиру отряда запечатанный пакет и вещмешок с ракетой браваый хлопец в лихо заломленной на затылок кубанке с красной звездой, в пиджаке с чужого плеча, стянутого армейским ремнём, и немецкой гранатой с длинной ручкой за поясом.

Группа партизан под его старшинством только что приняла на импровизированном аэродроме-поляне самолёт из-за линии фронта с грузом оружия, продовольствия и боеприпасов. В опе-

рации «Багратион» советское командование ставило перед партизанами очень серьёзные задачи — разведка всего и вся, захват и удержание переправ на пути отступающих немцев до подхода Красной армии, помощь в охране тыла и ликвидации националистических банд и многие другие.

— Маладца, Яська, погоду пока за дзверю.

Командир и комиссар отряда склонились над листом бумаги из пакета. Света копилки вполне хватало, чтобы прочесть следующее:

«... ваша задача любым способом зафиксировать данный радиомаяк на минимально возможном расстоянии от штаба немецкой дивизии по линии в направлении на фронт. Время автоматического включения радиомаяка — 09:00 МСК 7 июня 1944 года, среда. При невозможности выполнения задания по любой причине доложить немедленно. Фалалеев».

— Ох-х, ты ж... сам Фалалеев, главный лётчик СССР! Такое нам уважение оказав! Мабыць какую забабыху запускаць будучь на радиомаяк, факт.

— Дык, а чаго ж не могём? Там жа лес, повесим на дрэва вышэй, прыматаем да ствала, да и усё.

И через минуту:

— Яська, заходзь! Слухай боевой приказ!

БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

07 июня 1944 года, среда, время 09:05.

Чудесное июньское утро. Казалось, что вокруг и не было никакой войны. Но она была! На здании школы висело огромное красное полотнище со свастикой, охрана с собаками курсировала по периметру здания, были слышны короткие лающие команды. Только что сюда прибыли с квартир командир и начальник штаба фронтовой дивизии вермахта. Их рабочий день начался.

Однако пять минут назад из-за линии фронта с двух полевых аэродромов, уже подготовленных для проведения операции «Багратион» и разнесённых друг от друга примерно на пять километров, практически синхронно поднялись в воздух два беспилотных самолёта У-2, под завязку набитые взрывчаткой — новой особо мощной смесью нескольких компонентов.

Судя по лаковым «эмкам», стоящим рядом с капонирами и грузовикам с автоматчиками, эти самолёты провозжали в полёт большие «шишки» с генеральскими погонами и какой-то высокий и худой

штатский из Москвы. Взлёты по команде прошли штатно.

Самолёты шли очень низко, на высоте примерно сто метров, и из передовых окопов первой линии немецкой обороны по ним даже немного постреляли из винтовок. Однако безрезультатно. Прицельно попасть в движущуюся цель на скорости чуть больше ста километров в час можно только случайно.

— Ба-бах! — Ба-бах!

Два мощных взрыва прогремели почти одновременно. Они были такой силы, что на линии фронта за пять километров затряслись замаскированные бронемашины.

Небо лопнуло, и штаб немецкой пехотной дивизии исчез. Воронок с выраженными краями на его месте не образовалось, то есть взрывы произошли ещё в воздухе. Открывшееся партизанам-наблюдателям зрелище напоминало картину уничтожения библейских Содомы и Гоморры, если бы они, атеисты, его себе представляли.

...И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба...

Страшный карающий огонь с разверзшихся небес мгновенно испепелил четырёхэтажное здание сталинского «Дворца знаний» со всем его содер-

жимым и обитателями на пятне размером примерно 150 на 300 метров. Кирпич за долю секунды полностью превратился в пыль, засыпавшей обугленные человеческие скелеты с крайней степенью расчленения и фрагментации.

— Попали, тащграл, — оторвался от наушника рации — прямой линии связи с партизанами, порученец Фалалеева. — Конец котёнку!

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ

В Ставку Верховного Главнокомандования. ... следует отметить, что боевое применение технически безупречного изобретения ленинградского учёного П. М. Воробьёва имеет один серьёзный недостаток, а именно: оно может эффективно применяться только в случае наличия гарантированной возможности правильного размещения радиомаяка рядом и в направлении на цель.

При этом ВВС РККА ходатайствует об освобождении тов. Воробьёва из мест лишения свободы с целью продолжения его работы по проекту «Шахед» под эгидой ВВС РККА.

Фалалеев.

Виза Сталина:

«Вся война, тов. Фалалеев, неправильна! Тов. Воробьёва — освободить».

Михаил Михайлович ВОСТРИКОВ

родился 4 мая 1961 г. в Новосибирске,
живёт в Санкт-Петербурге.

Окончил с отличием Дальневосточный
политехнический институт (1985)
и аспирантуру Московского института
электронного машиностроения (1991).

Кандидат технических наук.

Работает научным руководителем Российской
инсинераторостроительной компании «Турмалин»
(СПб) — создание технологий и оборудования
для термического обезвреживания (уничтожения)
особо опасных отходов.

Член ЛИТО «Не воробей» (Новосибирск).

